

КАФЕДРА ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ им. ТОМАСА МАННА
РГГУ, МОСКВА

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ТОМ 19

КЛАУС-МИХАЭЛЬ БОГДАЛЬ

Европа, изобретает цыган

История увлечения
и презрения

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 82/821.0
ББК 83
Б 73

При поддержке Гёте-Института в Москве

Богдаль Клаус-Михаэль

Б 73 Европа изобретает цыган / Пер. Ирины Алексеевой. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 624 с.

ISBN 978-5-907117-05-1

Прирожденные воры и обманщики, приспешники сатаны, дикари, шайка асоциалов — вот лишь некоторые из эпитетов, которыми за последние 600 лет награждали европейских цыган. Клаус-Михаэль Богдаль в своем бестселлере демонстрирует, как могла сотни лет продержаться ненависть к этому народу при одновременном увлечении ими и презрении к ним. На конкретных примерах автор показывает, что европейцы всегда старались держать дистанцию по отношению к самому презираемому народу Европы. С момента их пришествия 600 лет назад они подвергались постоянным преследованиям — как в политической, так и в художественной реальности.

Богдаль описывает изображения цыган в европейской литературе и искусстве со времен позднего Средневековья до наших дней — от Норвегии до Испании, от Англии до России, при этом привлекая различные документы: от ранних хроник до воспоминаний синти и рома времен Холокоста.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 82/821.0
ББК 83

ISBN 978-5-907117-05-1

9 785907 117051 >

© К.-М. Богдаль, 2018
© И. С. Алексеева, перевод, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	9
Часть I. От позднего Средневековья до восемнадцатого века.	20
1. ПРИБЫТИЕ «ПАЛОМНИКОВ ИЗ ЕГИПТА»	20
Фрагменты: хроники, историографии, памятники права.	20
Легенды: из Библии в историю	37
Кочевники из несуществующей страны	43
2. ЧУЖАКИ, КОТОРЫЕ ОСТАЮТСЯ	46
«Бесстыдные люди»: презрение и изоляция.	46
Территориальность как террор: преследование и изгнание. ...	58
Тайны происхождения	68
3. СПУТНИКИ САТАНЫ.	76
Безбожники: язычники, еретики, сатанисты	76
Египетские маги: предсказание и раскрытие истины	80
Вредоносное и огненное колдовство	93
4. ЧТО ОСТАЕТСЯ В ПАМЯТИ	99
Прекрасная цыганка: Ла гитанилла Сервантеса и ее двойники в Европе	99
«Братство бродяг»: цыганские империи	121
«Оборванный сброд»: банды разбойников и цыган.	135
«Лесные люди»: дикари, которых не приручить	156
5. ПРИВЕСТИ В ПОРЯДОК ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЦЫГАНЕ И АНТРОПОЛОГИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ	166
Толкующее насилие: популяризация знаний о цыганах	166
В союзе презренных народов	174
Открытие «цыганского языка» и его индийского происхождения.	182
Антропологические иерархии: цыгане и европейский «культурный человек».	188
Часть II. Девятнадцатый век	206
1. ВОЗНЕСЕНИЕ НА НЕБО И НИЗВЕРЖЕНИЕ В АД. ЦЫГАНСКАЯ РОМАНТИКА В ЕВРОПЕ	206
Национальный миф о возвращении: «Изабелла Египетская» Ахима фон Арнима.	206

Спасители традиций: «Гай Мэннееринг, или Астролог» Вальтера Скотта	217
Отработка навыков свободы: Александр Пушкин «Цыганы» .	223
«Нам, цыганкам, нужно немного — вольный воздух да любовь»: «Собор Парижской богородицы» Виктора Гюго . .	229
Укоренение в народной жизни: Стен Стенсен Бликер «Жизнь келтрингов»	238
2. «ПРОЧЬ В ЦЫГАНСКУЮ СТРАНУ».	
ТРИВИАЛИЗАЦИЯ И ИНФЛЯЦИЯ	247
Европейский беспорядок после революции: прорицатели, заклинатели, похитители детей, торговцы девочками.	247
«Дикий танец и песня родная»: Венгерский патриотизм и цыганская музыка	267
«Последние из могикиан» Европы: Джордж Борроу и другие доверители цыган	284
«Африка начинается в Пиринеях»: «Кармен» Проспера Мериме и ориентализация	292
«ОНИ ЛЮДИ, НО НЕ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК МЫ».	
ЦЫГАНЕ И ЭТНОГРАФИЯ	299
Естественный народ посреди цивилизации.	299
«Подобно кафрам, индейцам, восточным людям»: девропеизация цыган	318
4. ТАЙНЫ ЧУЖОГО ПЛЕМЕНИ	332
Рискованный обмен: встречи на окраине общества	332
Жизнь с испытательным сроком: интеграция и ассимиляция. . .	334
Часть III: От исхода девятнадцатого века до наших дней.	360
1. БАНДА «АСОЦИАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ».	
РАСИСТСКИЙ ВЗГЛЯД	360
«Пария умер, ария победил»: «Чандала» Стриндберга	360
Среди тварей: инстинкты, бескультурие, насилие	381
Смешения: любовь без последствий.	387
Криминальная биология и расовое учение: цыгане и «смертельные науки»	395
2. ЛЮДИ — БРАТЯ. ФИГУРЫ СБЛИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ, ИСПАНИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.	409
В Лиге безродных: цыгане как жертва социального обнищания	409

Канте хондо: народная культура и авангард в Испании	428
Цыгане, один из народов Советского Союза	436
3. «ТОВАРИЩ ЦЫГАН». ОСВОБОЖДЕНИЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН.	442
Боевое крещение у партизан	442
Исчезнуть в народных массах, всплыть в нищете	457
4. КОЧЕВНИКИ-ПРИВИДЕНИЯ — ПРИЗРАЧНАЯ ЖИЗНЬ. ЦЫГАНЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕ 1945 ГОДА	472
По-прежнему воры и асоциальные элементы	472
Кто отмечает, тот забывает: Сент-Мари-де-ла-Мер и цыганский фольклор	488
Замещенные воспоминания о преследованиях и уничтожении.	493
5. СОБСТВЕННЫМ ГОЛОСОМ. МЕМОРИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА СИНТИ И РОМА	517
Освенцим, Равенсбрюк, Лакенбах: свидетельства выживших	517
«Time of the Gypsies»: рассказать о собственной истории	549
ЭПИЛОГ	560
Благодарность.	564
ЛИТЕРАТУРА	566
СЕРИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ	622

ПРОЛОГ

Идею написать европейскую историю дискриминации народов рома, уничижительно прозываемых по-немецки «цыганами», так или иначе спровоцировал случай. Она восходит к тем волнующим и взволнованным годам после того, как в начале девяностых рухнула социалистическая система и пал железный занавес. Поскольку я давно уже занимался темой своих и чужих в литературе, мне пришлось на одном мероприятии, в ситуации, когда внезапная эпидемия насилия, основанная на враждебности к иностранцам, прокатившись по всей Германии, пробудила былые страхи перед тем прошлым, которое казалось уже преодоленным, — короче, мне тогда пришлось привести пару поясняющих соображений, которые в гуманитарных науках того времени имели неоспоримый вес. При изучении погромов в Ростоке-Лихтенхагене, масштабы и сопутствующие обстоятельства которых небезосновательно напомнили председателю Центрального совета евреев в Германии, Игнацу Бубису, страшные бесчинства 9 ноября 1938 г., так вот, я наткнулся тогда на высказывание шестнадцатилетней школьницы, которая активно участвовала в акциях насилия, и поэтому — чуть ли не в награду за участие — у нее взяли интервью: «Если бы жгли цыган, я бы ничего не имела против. Вьетнамцев — нет, а на синти и рома — наплевать»¹. Это торжествующее презрение и полную отключку человеческого восприятия, прозвучавшую в холодно брошенном «наплевать», я долго не мог забыть. Преступница оправдывает свое желание убивать причислением жертвы к другой ступени иерархии. Чужаков, неважно, какого происхождения, она заведомо мнит гораздо ниже себя. Но «цыгане» котируются вообще как «отбросы общества»², по ту сторону любой границы человечности.

Если оглянуться назад, на историю народов рома за шесть столетий их присутствия в Европе, то вновь и вновь наталкиваешься на факты, говорящие о том, что против преследования и уничтожения цыган большинство населения «ничего не имело» — точно так же, как обыватели Ростока не были против их сожжения, когда подростки поджигали приюты для беженцев. Но из каких источников подпитывается инстинктивное презрение к абсолютно незнакомым им людям? Разве не в тех же временных рамках мы наблюдали, как фла-

¹ [Anonym 1992: 21].

² [Ibid.: 21] — высказывание девятнадцатилетнего подмастерья-слесаря.

менко завоевывал танцевальные студии и открывались все новые курсы фламенко при народных университетах, а музыкальные группы вроде Джипси Кингс купались в лучах всемирной славы? И разве не могли их бодрые песенки, не особо бросаясь в глаза участникам мероприятий, исполняться в качестве аккомпанемента к вечернему барбекю, во время охоты на людей в Лихтенхагене — просто для разогрева и подъема настроения? Быстрого и простого объяснения этому сочетанию восхищения и презрения мне найти не удалось: ни с помощью социологических и психологических теорий о чужих и чуждости, ни с помощью очевидной на первый взгляд аналогии с антисемитизмом. Если не пускаться окольным путем в изучение истории отношений народов рома с другими народами Европы начиная со времени их переселения сюда в XIV–XV вв., не пытаться осветить эту темную страницу истории Европы вплоть до современности, любое объяснение неизбежно останется недостаточным — в особенности учитывая то, что случилось затем в Румынии, Италии, Франции, Венгрии, Словакии и Косове. Очень быстро выяснилось, насколько отрывочно, неточно, насколько отягощено предрассудками было на тот момент то небольшое, что мы знаем о прошлом народов рома. Хочешь не хочешь, а пришлось стряхивать архивную и библиотечную пыль, чтобы в конце долгого путешествия во времени вновь добраться до поселений, деревень и стоянок сегодняшних рома. Вместе с тем мне постепенно становилось все яснее, что после конца коммунистической системы в Восточной и Юго-Восточной Европе эта тема из второстепенной станет центральной, учитывая политическую, социальную и культурную специфику нашего континента, хотя бы потому, что речь идет о немалой группе людей — ведь их более десяти миллионов человек. И не исключено, что жизнеспособность духовного конструкта по имени Европа придется не в последнюю очередь измерять тем, как мы обходимся с народами рома.

Почему представители народов рома чуть ли не рефлексивно воспринимались и воспринимаются как опасность, стоит им где-то появиться? Как выглядят те тайные знаки угрозы, которые им присущи и всегда приписывались? Их телам, их поведению или просто самому их существованию? И как получилось, что никто не соглашается терпеть их присутствие и близость, а жизнь бок о бок с ними кажется немыслимой? Поиски обоснованного объяснения уведут нас к средневековым нашествиям и захватам территорий монголами и тюрками, которые, как и народы рома, избрали для продвижения

восточную оконечность Европы, которая считалась наиболее открытой и уязвимой. Самые ранние обозначения неизвестных чужаков как «татары» и «египтяне» указывают именно на эту связь. Их кочевой образ жизни укрепил представление о некоем народе из степей или из пустыни. Хотя представителей народности рома, приходящих то небольшими группами, то более крупными объединениями племен, напрямую не причисляли к вышеназванным завоевателям, но нередко рассматривали либо как их хлипкий авангард, либо как посланных ими коварных шпионов. Еще с первых шагов чужеродности миролюбивых переселенцев стали приписывать угрожающие черты. Однако ненависть к цыганам — это не просто версия антисемитизма, как неоднократно утверждалось³. Если постараться более подробно проследить отношения народов рома с местным населением, то для этой точки зрения, — утвердившейся после 1945 г. на базе недавней расистской политики Германии, направленной на уничтожение в равной мере как евреев, так и цыган, — не останется никаких оснований. В этой книге народы рома будут рассматриваться не в контексте истории антисемитизма и преследования евреев, в который их по вполне понятным политическим причинам поставили в том числе и сами синти и рома. Будет показано, что корни, причины, развитие и функции презрения к народам рома и увлечения определенными элементами их образа жизни отличны от соответствующих корней и т. д. антисемитизма, даже при наличии исторических параллелей и точек схождения, а также с учетом того факта, что современный социально-биологический расизм направляет на обе эти группы свою волю к истреблению в равной степени. Важнейшие различия между ними здесь только намечены. В то время как народы рома считались таинственными чужаками неясного происхождения, евреи стояли у основ европейской цивилизации и были неразрывно связаны с еще одной ее основой — христианством. Поэтому время и обстоятельства появления народов рома в Европе имеют столь исключительное значение для дальнейшего развития. Аналогичное кардинальное отличие обнаруживается относительно обозначения евреями самих себя, которое транслировалось наружу самым разным образом, тогда как о культуре народов рома практически ничего невозможно было узнать. Для истории с увлечением ими немаловажно, что образ жизни «цыган», общественное устройство которых, бесписьменное,

³ Ср.: [Reinhardt 2008: 120].

основанное на устной традиции, сравнивалось с жизнью «дикарей» вне Европы, еще с начала XVII в. стали идеализировать как фольклор. Помимо всего прочего, бедные, ничем не обладающие народы рома, в противоположность евреям, воспринимались как дети лесов, лугов, степей и дорог, а не как порождение городов, не как деятели торговли, науки и культуры.

Задача показать своеобразие и неповторимость истории преследования и увлечения неизбежно требует поэтому обращения к самым ранним источникам и распространения области исследований на все европейское пространство. Национальная перспектива привела бы здесь к узости рассмотрения. Во всяком случае — немецкая; хотя та мрачная страница истории, когда воплощалась нацистская политика уничтожения, приводит нас в страну, которой мы и закончим наше повествование. На завершающей стадии моих изысканий передо мной на письменном столе лежало исследование, которое можно было разбить на много томов. Я сжал его до одного тома, не теряя из виду европейскую составляющую, однако отказался от детального рассмотрения каждой национальной ветви в отдельности. Определенные страны, такие как Испания XVI в. или Венгрия XIX в., рассматриваются подробнее в том случае, если там имели место важные тенденции или возникли значимые литературные произведения, влияние которых распространилось на другие европейские страны. Таким образом, я смог показать все полотно, избежав опасности выдергивания из единой ткани отдельных нитей. Не жертвуя результатами исследований и сделанными выводами, я до необходимого минимума сократил научный аппарат, отличающийся известной тяжеловесностью. Положенную в основу работы теорию, которая поначалу была мне так важна, я не стал формулировать, а, веря в ее пробивную силу, вплеел ее в изложение конкретных событий. Таким образом, специалисты не остались полностью обделены, а читатель, на любопытство и интерес которого уповаet автор, также получил свое.

Существует совсем немного феноменов, которые можно считать европейскими и которые доступны для наблюдения на протяжении ряда столетий. Наблюдая их, мы получаем шанс вскрыть законы эпохальных изменений в структуре тех человеческих обществ, которые довольно неудачно были обозначены как «западные». Осуществлявшиеся в последние десятилетия проекты, если следовать логике их притязаний, ориентировались на «большие» явления: на «процесс

цивилизации» (Норберт Элиас), на государственные и национальные образования, на революции и эпохальные крахи (Райнхарт Козеллек), на всеобъемлющие духовные движения, такие как «процесс теоретического любопытства» (Ханс Блюменберг), на роль религии и религиозного или на примечательные специфические тенденции, такие как история образования в Германии (Георг Болленбек). Почему тогда — таковы были мои исходные размышления — нельзя добиваться понимания «тенденций стратегического порядка», подойдя к ним с другой стороны: отталкиваясь от рассмотрения маргинального, которое по причине своей кажущейся незначительности никогда не сможет обрести свое место в исторической памяти. Народы рома, использовавшие различные пути миграции и добравшиеся буквально до каждого уголка континента, включая Британские острова, представляют собой именно такой находящийся на обочине европейский феномен. Несмотря на национальные, региональные и языковые особенности, весь процесс их восприятия, наделения идентичностью, отношения к ним и их дискриминации оформлялся как отчетливо единая череда событий, чрезвычайно полезная для понимания теневых сторон европейского развития по направлению к современности.

В пору своего «прибытия» — а это был переходный период от Средневековья к Новому времени — они попали в эпохальные переделки, от которых пытались уклониться: пляжные аксессуары минувших времен на берегах современности. Очень скоро после этого они — как правило, в негативном ключе — стали воплощением преодоленных состояний, символом всего отжившего, той манеры поведения, от которой у современников лицо заливала краска стыда либо в душе вспыхивала ярость. Европейские общественные образования на пороге Нового времени искали образцы восприятия, которые могли бы позволить им определить социальное место для внезапно появившихся чужаков. Этот процесс был с самого начала сопряжен с высоким накалом эмоций и сопровождался отторжением, социальной неприязнью и преследованиями.

Что касается мыслей и чувств народов рома, то мы оглядываемся назад, в непроглядную мглу, которая, видимо, никогда не рассеется, потому что у нас недостаточно достоверных свидетельств. Зато мы сталкиваемся с базовым опытом единой корпорации местного населения, возникшим из неприятия любого чужого образа жизни и восприятия его как угрозы. Опираясь на этот опыт, мы так или иначе попадаем

в пространство невнимательности, неточных наблюдений и небрежных описаний, где образ чужаков — скорее порождение фантазии, а не достоверное свидетельство. Образ «цыгана» — мерцающий, нерезкий, и он легко поддается разным интерпретациям. Тем резче выглядят оценочные суждения и формулировки, призванные восполнить этот недостаток. Когда просвещенная антропология в районе 1800 г. обнаружила, что в случае с «цыганами» речь идет о народе, происходящем из Индии, со своим собственным языком, развившимся из санскрита, возникли две противоположные тенденции, которые в середине XIX в. пересеклись в этнографии. С одной стороны, ученые, писатели и административные деятели, ничего особенно не исследуя, сходу провозгласили возвысившихся до индоевропейцев цыган деградировавшим народом-парией, который паразитирует на других народах и препятствует развитию цивилизации. С другой стороны, романтики породили целый рой причудливых и зловещих образов героев-цыган и, создав особый жанр цыганской романтики, обеспечили им длительное присутствие в публичном пространстве. То же, что расписывали как их особенный образ жизни, их исконность и естественность, их независимость и свободу, было стилизовано под многогранный встречный проект, направленный против буржуазного индустриального общества. Новая фаза наступила где-то в конце XIX в., когда собранные в ходе сопоставления и увязывания гуманитарных исследований и представленные широкой публике этнографические сведения о различных европейских группах рома были обесценены с помощью теории преступлений и расовых теорий, ориентированных непосредственно на действия государства, — и естественно-научный авторитет превратил фольклоризированных кочевников в патологические «асоциальные элементы», «не привыкшие трудиться». «Великая повесть» о детях природы посреди цивилизации во все времена, начиная с их прихода в Европу и вплоть до их истребления нацистами, писалась без участия самих рома.

Изобретение «цыган» с помощью таких вот «великих повестей» с самого своего начала обнажает оборотную сторону сотворения самого себя европейским культурным субъектом, который считает себя носителем прогресса мировой цивилизации. Ведь одновременно такое самосотворение всегда является радикальной очисткой собственного чистого образа от того, что предположительно может ему угрожать. В книге поведение по отношению к «цыганам» сравнивается со страхом перед старческим слабоумием, когда человек сталкивается с самим собой в таком состоянии, которое сам он считает отсутствием всего

человеческого: как падение до животного состояния, как утрату языка, письменности и памяти, а тем самым — и всякой истории, но, кроме того, — и как утрату всего культурного, что составляет существенную часть идентичности. Именно это и соответствует образу «цыгана», который породила европейская культура: неграмотный, бескультурный, лишенный истории, находящийся в животном состоянии.

В этой книге речь пойдет о другой истории, такой истории, которая прогрессирует, не порождая никакого прогресса, об изменениях, которыми Европа лишь в малой степени может гордиться, об упущенных возможностях и загубленных шансах. Говоря словами Зигмунта Баумана, речь идет о «непрерывности альтернативного, деструктивного потенциала цивилизационного процесса»⁴, о том феномене, который я называю «злопамятность культуры». В моей истории сплетаются воедино три слоя: генеалогия знаний о «цыганах» во всех ее ипостасях — от слухов до академической науки, от эмпирических наблюдений до химерических утверждений⁵ и лживых измышлений; археология форм и образцов, в которых эти сведения представлены и обрели традицию — в первую очередь в литературном дискурсе; и наконец, культурная история того, что именно из первых двух слоев и каким образом вошло в историческую память Европы, на что это влияет и какие тенденции развития обусловило или же затормозило, а какие ускорило или замедлило.

Всего одно замечание к обозначениям, которые здесь выбраны. Если мы в нашей книге приближаемся к реальной жизни людей, которые существовали в прошлом или живут в наши дни, то речь всегда будет идти о народах рома или группах рома. Это самое всеобъемлющее обозначение, какое только возможно. В большинстве европейских стран утвердилось обобщающее понятие рома или ром — от слова «романес» со значением «мужчина, супруг»⁶. Сюда входит и небольшая группа немецких синти. Однако в XIX в. наименование «рома» касалось преимущественно тех племен, которые жили в Восточной Европе. Обширные группы испанских рома называли себя «кале», французские — «мануш», а русские «калдераш». Эти и другие самонаименования используются в тех случаях, когда необходима более точная социальная или этническая при-

⁴ [Bauman 1992: 42].

⁵ См.: [Schäfer 2010: 285 ff.].

⁶ [Wolf S. 1960: 198]. Соотв. «ромни» означает 'женщина, супруга'.

вязка. Чужеродное наименование «цыгане», этимология которого до сих пор не прояснена до удовлетворительного уровня, как и его эквиваленты в других европейских языках — такие как «джипси» или «татгаре»⁷, являются сами по себе важным элементом того, что исследуется здесь как история увлечения и презрения. Под именем синти и рома люди рождаются, а «цыгане» — это общественная конструкция, в основе которой лежит базовый набор знаний, образов, мотивов, сценариев и легенд, с помощью которых только и можно в разговоре приписывать им коллективные признаки. Этот набор, закрепленный с помощью устоявшихся фигур мышления и восприятия, живуч благодаря традиции и, тем не менее, путем «обработки» в соответствии с правилами, показанными в этой книге, постоянно меняется. Поскольку, таким образом, речь идет о речевых оборотах и публичных репрезентациях, об изобретении этноса в переносном смысле слова, а не о мыслящих, чувствующих и действующих субъектах, обозначение «цыгане» может и должно (с этого места) употребляться без кавычек. Несоответствие между постоянной репрезентацией «вымышленных» цыган в различных дискурсах, прежде всего в литературе и искусстве, и почти полностью иной картиной свидетельств самих народов рома, которые на протяжении долгого времени вели кочевой образ жизни, не имели собственной письменной культуры и никогда не появлялись на политической арене, — разительно...

Это несоответствие тоже нужно как-то объяснить. Однако концентрация нашего внимания на образе чужака не исключает того, что, пустившись на поиски следов в архивах, в ученых трудах и в произведениях литературы и искусства, мы доведем до читателя кое-какие сведения о подлинной культуре, образе жизни, истории и языке европейских народов рома.

Отдельные литературные произведения будут интересовать нас особенно, ибо только скрупулезный анализ текста может достойно выявить сильные стороны науки о литературе и привести к результатам, которых невозможно достичь с помощью историографических и социологических методов. Они являются индикатором того, что исторические события «оставили след, что они продолжают существовать и своим существованием производят внутри истории

⁷ *Tattare* — пренебрежительное наименование народов рома в Швеции (прим. пер.).

целую череду явных или скрытых воздействий»⁸. В отличие от исторических источников они, из-за своей уникальности и многозначности, не поддаются быстро использованию. Литературные произведения могут положить начало устойчивым образам и клише, но способны их же и разоблачать, они могут как зародить зависимости, так и инсценировать разрывы связи, утверждать очевидное, — и это же очевидное опровергать. Чтобы наряду с особенным и исключительным указать также на затверженное и повторяющееся, будет, наряду с детально исследованными текстами, привлечено максимальное число других подобных произведений — сегодня зачастую забытых, которые, однако, ради читабельности книги, останутся на втором плане. По той же причине мы будем чередовать анализ конкретных примеров и общие обзоры.

Не исключено, что оторопь будет основным впечатлением, которое оставит по себе показанная в книге разрушительная энергия вкупе с властными и убийственными порывами. Возможно, в душе останется возникшее в этой связи сострадание к жертвам истории. Но не следует забывать, что основное предназначение книги — изучение «изобретателей» цыган и придуманных ими конструкций, и история народов рома по указанным причинам может быть описана только очень опосредованно. Речь пойдет об ученых, интеллектуалах, писателях и исследователях, о культуртрегерах, трудами которых в мир пришли прежде всего враждебность и изоляция, но вместе с ними также и восхищение, и романтизация. Отбросив эмоциональную реакцию негодования, мы вправе трезво указать на их ответственность. И, если уж рассматривать дело с этой стороны, то не в последнюю очередь стоит пояснить, какие альтернативы, перспективы и возможности намечались в каждый конкретный период времени. Ведь для прояснения сути вряд ли много дает отождествление горестной истории народов рома с неотступной роковой судьбой, к чему некоторые исследователи склоняются.

Пишущему подобную книгу настойчиво задают всегда один и тот же вопрос: какой урок можно извлечь из результатов и выводов исследования? Не успев стряхнуть архивную пыль, вынужден возвысить свой голос для предостережения и увещевания. Может статься, кто-то действительно в состоянии заранее примечать теперь признаки угрозы, точно определять взаимосвязь между прошлым и на-

⁸ [Foucault 1973: 169].